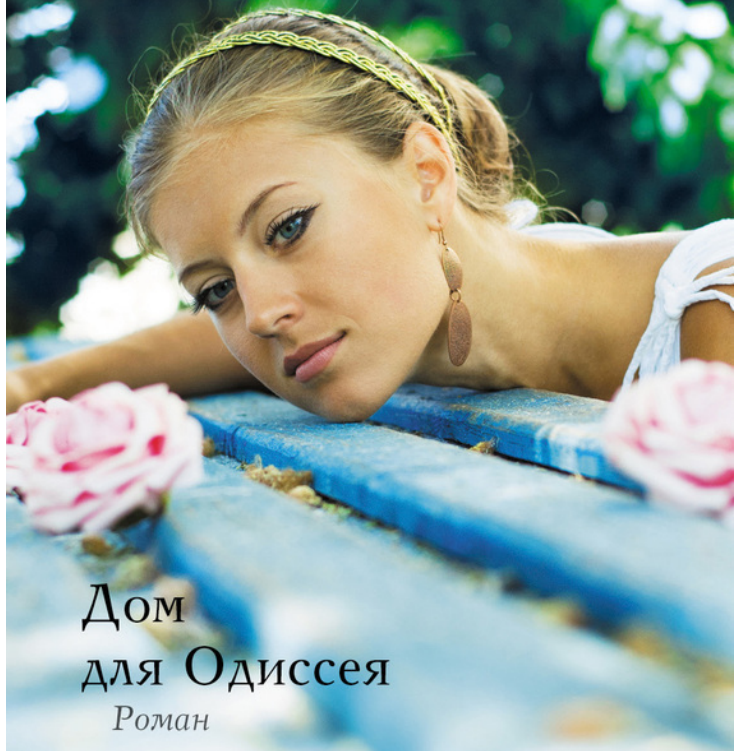

...Самый долгий путь — это путь к себе

Дом
для Одиссея
Роман

В Е Р А
К О Л О Ч К О В А

Вера Александровна Колочкова

Дом для Одиссея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4361605

Дом для Одиссея : роман / Вера Колочкова.: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59933-2

Аннотация

Лиза была уверена, что в ее жизни все идет слаженно и гармонично. Дом, хорошая работа, красивый гражданский муж, к тому же полностью от нее зависимый. Что еще нужно? Тем неожиданнее, тем страшнее оказалась для нее весть, что ее Леня ходит в чужой дом, к некрасивой и к тому же обремененной двумя детьми женщине. Чего же хочет этот Одиссей и стоит ли строить из себя Пенелопу?

Содержание

Вера Колочкова	4
Часть 1	4
1	4
2	19
3	25
4	42
5	56
6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вера Колочкова

Дом для Одиссея

Вера Колочкова
Дом для Одиссея

Часть 1

Лиза

1

Как всегда, утро началось с музыки – громкой, неистовой и в то же время нестерпимо беспомощной, на что она сама казалась обиженной. Торопливые звуки кубарем скатывались по лестнице вниз, из холла второго этажа, где стоял Лёнин рояль, разбивались о стены и залетали к Лизе на кухню, словно ища у нее спасения. Кто это? Кого он сегодня так сердито и страстно исполняет? Шнитке? Губайдуллину? Или Шостаковича? Будто огромные валуны сыплются-перекатываются с гор – ужасающая, невозможно-истерическая какофония. В музыке Лиза совсем не разбиралась. Просто чув-

ствовала по ней Лёнино настроение. А оно, судя по всему, было не ахти...

– Прынец-то твой нынче не в духах, что ли? Смотри, как наяривает. Осердился на тебя, да? – подтвердила опасения Татьяна, обернувшись от плиты. – Опять, значит, ни завтракать, ни обедать не станет, фыркать начнет. Для кого стряпаю, непонятно! Ты хоть поешь, Лизавета, не сиди сиднем...

– Да ладно, понимала бы чего, – грустно махнула в ее сторону Лиза и лениво ковырнула вилкой остывший омлет в тарелке. В который раз за утро она посмотрела на часы. Однако долго Лёня сегодня играет, а встать и уйти нельзя – обидится. Он же исключительно для нее исполняет эту каменно-неистовую музыку. Садится по утрам за свой «Стейнвей» и демонстрирует ей, благодарной и влюбленной слушательнице, свое душевное настроение. Шесть лет уже демонстрирует. Хотя нет, пожалуй, пять. «Стейнвей»-то она ему только через год их совместного жития купила. Дорогой, зараза. Все сбережения пришлось угрохать.

Лиза вздохнула: чего это она с утра про деньги? Какая разница, если это для Лёни куплено! Для него вообще ничего не жалко: она и жизнь отдаст, если ему вдруг понадобится, подумаешь. А все потому, что любит безумно.

Иногда ее даже оторопь брала: неужели этот красивый тридцатилетний мужчина-ребенок – ее муж? Он всего-то на шесть лет моложе, а такой по-детски наивный, трогательный и летящий весь, как небесный ангел. Хотя на ангела не по-

хож, конечно. Они белокурые да пухлощекие, а Лёня – смуглый, гибкий, как хлыст, черные кудри до плеч, тонкое лицо с горящими яростью непризнанного гения глазами, эти неизменные белые батистовые рубашки, легкие кошачьи шаги босыми ногами по коврам. Ее мальчик, ее пианист, ее смысл жизни, ее душа, ее радость. С Лизой действительно происходило что-то непонятное, когда она смотрела на любимого. Будто растекалась вся, подтаивать начинала, и в голове ни единой стоящей мысли не оставалось – сироп только липкий цветочно-сахарный. Кто бы увидел в такие моменты обычно железно-хваткого адвоката Елизавету Заславскую, не поверил бы.

Однако и в самом деле времени-то впритык, уходить пора. А Лёня все играет. Но и Рейчел ждать не будет, не та это клиентка. Американцы ведь пунктуальные такие, черт бы их побрал. Еще истолкует как неуважение к своей драгоценной персоне! Они помешаны на этом как одержимые. Не объяснишь же, что Лиза должна была до конца дослушать, как Лёнины музыкальные валуны сыплются с гор ей на голову. Что ж, надо уходить, так и не дождавшись конца этого обвала и не выразив положенного утреннего восхищения. Придется сегодня ритуал поломать. А что делать? Ну ничего, вечером наверстает.

Вздыхнув еще раз, Лиза одним глотком допила кофе, поднялась из-за стола и почему-то на цыпочках пошла в прихожую.

– Твой-то как пить дать осерчает, – уже в спину ей проворчала Татьяна.

– Ну да, и что? А ты возьми да отвлеки его как-нибудь!

– Да где нам, неграмотным, принцев твоих развлекать, Лизавета! Мы больше по хозяйству привычные. Ладно, иди уж, жаль моя...

Домоправительница Татьяна Лёню не жаловала. Сама она была из деревенских и считала его мужичонкой хлипким и женского внимания вообще не достойным, тем более хозяйки своей Лизаветы, бабы, по ее мнению, «справной и шибко уж грамотной». Как Татьяна часто говаривала – сейчас таких в городе много развелось, грамотных-то, а мужики напроць загибли-измельчали, только и умеют, что за спинами женщин прятаться!

Лиза быстро оделась, открыла дверь, ступила за порог и тут же удивленно распахнула глаза – первый снег за ночь выпал! Она даже замерла на секунду, не решаясь ступить на крыльцо и разрушить аккуратно расстеленное бело-пушистое покрывало. Пахло снегом, первым холодом и еще чем-то мокрым и нежным – зеленой газонной травой, наверное, торчащей из-под снега непокорным и стойким ежиком. Лиза спустилась вниз, осторожно семеня по высоким ступеням крыльца, и быстро прошла к воротам гаража. «Вот и объяснение Лёниной загадочной перемены настроения. Снег выпал, оказывается, – подумалось ей тут же легко и радостно. – Он натура утонченная, все природные явления тут же через

себя пропускает. Не то что я, толстокожая. Ничего никогда не чувствую!»

Выезжая за ворота, она еще раз оглянулась на свой дом. Такой родной, надежный, всегда большой, теплый и уютный. Лизе показалось, что, запорошенный сегодня неожиданным ранним снегом, он словно съежился, или уменьшился в размерах, или вообще вдруг закапризничал, не желая ее отпускать, и будто заплакал вслед извлекаемыми Лёней из своего «Стейнвея» неистово-беспомощными звуками-всхлипами. Она свой дом очень любила. Он всегда казался ей живым организмом – умел и любить, и сердиться, и бережно хранил в памяти Лизино счастливое детство и такую же счастливую беззаботную юность, и бабушку с дедушкой, и маму с папой. А всякие замечательные переделки-улучшения, которые Лиза затеяла недавно в нем произвести, принимал, казалось, без особого энтузиазма, даже с некоторым недоверием. Хороший дом, родной...

Рейчел уже ждала ее, сидя за столиком в «Атриум-отеле». Наполовину наполненный минералкой стакан одиноко стоял перед ней, как прозрачный укор Лизиной совести. Ну, опоздала немного, что такого. И вообще, что за манера у американцев приглашать друг друга на завтрак? Ерунда какая. Завтрак – вообще дело интимное. Другое дело – обед. А еще лучше – ужин...

– Рейчел, прости, ради бога, я немного опоздала, но это ничего, правда?

Лиза старательно улыбалась и выговаривала трудные английские слова. Она вообще была очень старательной женщиной, любила все делать хорошо и качественно, без помарок и огрехов. Да и старик Заславский, первый ее муж, ныне покойный, долго прививал ей это полезное для адвоката качество, чтоб именно без малейших ошибок. Надо совершенно точно знать, чего ты хочешь от клиента и как правильно себя вести. Лизе казалось, что и с американкой у нее сложились идеальные для адвоката и клиента отношения – деловые, доверительные и чуть-чуть, самую капельку, обаятельно-дружеские.

– Ничего, Элизабет, я даже заказ не успела сделать, – улыбнулась Рейчел своей благожелательной рыхлой улыбкой, отчего ее толсто-обвислые щеки дрогнули и слегка сдвинулись с места. – Сидела вот, телевизор смотрела. Странные вы все-таки, русские...

Рейчел замолчала и снова рассеянно улыбнулась. Лиза, пытаясь проследить за ее взглядом, обернулась назад и наткнулась глазами на голубой экран стоящего в углу бара телевизора, с которого вовсю улыбалось в зал развеселое художничье лицо известного писателя-сатирика с яркими смешливыми глазами. Ну, понятно теперь, откуда ветер дует.

– И этот ваш артист тоже странный – Майкл или Михаэль, забыла фамилию... Ты знаешь, его часто показывают по вашему телевидению! Слушай, а почему он все время повторяет, что американцы глупые?

– Да не глупые, Рейчел, а тупые... Вернее, это он так говорит, шутит! Таким образом наше плохое высмеивая, понимаешь?

– Нет, не понимаю... А зачем его высмеивать, если оно плохое?

– Чтоб все поняли, что оно и в самом деле плохое, и научились превращать его в хорошее.

– А сразу нельзя?

– Что – нельзя?

– Ну, плохое превращать в хорошее? Без этапа высмеивания? Мне это непонятно как-то. Странные вы, русские. Носитесь со своим плохим, смеетесь над ним. В этом, что ли, смысл вашей загадочной русской души?

– Да, смеемся. И носимся. А что еще остается? Такой вот мы народ, особенный.

– Да ради бога! Будьте особенными, хоть какими! Только вот Дэна жалко.

Рейчел опустила вниз свою некрасивую плоскую голову и сердито заправила за уши тонкие редкие пряди бесцветных волос. Вовсе она не похожа на успешную жительницу Америки. Впрочем, таковой и не была. Она всего лишь жена преуспевающего американца Дейла Мак-Кинли, то бишь образцовая домохозяйка и мать пятерых его детей. Полгода назад, посчитав свою семью все-таки недостаточно полной, супруги решили усыновить русского ребенка из далекого сибирского детдома, причем выбрали самого что ни на есть дохо-

дязного, с таким безысходно-неизлечимым букетом заболеваний, что прописка ему по сибирским детдомам была обеспечена пожизненная. В смысле, на весь его коротенький жизненный срок. Потому как ни одному сиротскому детдому не осилить материальные хлопоты по выезду бедного трехгодовалого Дэна, а по-русски просто Дениски Колюченкова, в заграничные клиники на многочисленные необходимые ему лечения да операции. Так что повезло, можно сказать, мальчику вместе с его врожденной некомпенсированной гидроцефалией, перинатальной гипоксией, дистрофией, рахитом и еще всяким прочим местом, вместе взятым. Именно к нему прикипели вдруг души многодетных состоятельных американцев Дейла и Рейчел Мак-Кинли. Именно ему супруги захотели восстановить здоровье и дать счастливую жизнь, разделив с ним то, что сами имеют. Они с воодушевлением, следуя всем нашим положенным законам и инструкциям, обратились в областной суд этого большого сибирского города с заявлением об усыновлении Дениса Колюченкова. Да только не тут-то было...

Не растрогали нашего судью ни намертво прикипевшие к мальчику души американских усыновителей, ни их семейное многодетное положение, ни их стремление помочь болезненному маленькому доходяге, ни уж тем более распрекрасное материальное положение. Подумаешь, президент компании «Миллениум Гэс Сервисиз» мистер Мак-Кинли – что из этого? Подумаешь, владелец контрольного пакета акций. И не

важно, что имущество у семьи на три миллиона долларов тянет, что дом свой собственный трехэтажный в Калифорнии имеется. И вообще, нечего тут при таких богатствах наших брошенных несчастных детей усыновлять! Непонятно потому что, сомнительно...

В общем, получили супруги полный от ворот поворот. А в решении судья свой отказ мотивировал вполне грамотно, то есть, конечно же, обошелся сущей формальностью – не соблюдены были, мол, нашими российскими чиновниками от опеки сроки для занесения Дениса Колюченкова в базу данных о детях, оставшихся без родительского попечения. Хорошая подушка для такого рода дел – ее величество формальность! Упал на нее и спи спокойно. И вашим и нашим за копеечку спляшем. Вот тут бы в самый раз «вашим», то есть возжелавшим законного усыновления американским супругам, гордо развернуться да уехать обратно в Америку несолоно хлебавши к оставшимся пятерым детям и миллионному имуществу, да они вдруг сопротивляться решили. Не хватило, говорят, духу, чтоб Дэна одного здесь оставить. Неходячего, неприятного и несчастного, водянисто-большеголового и пузато-рахитичного, который уже и улыбаться им начал, узнавая, и кривые худосочные ручки тянуть из кровати навстречу.

Так они и вышли на Лизу, то есть на адвоката Елизавету Заславскую, которая от имени своих заявителей опротестовала решение местного суда в более высокие инстанции и

через неделю должна была отбыть в Москву для присутствия на новом судебном заседании, самом последнем, все решающем. Собственно, по этому поводу они и встретились за завтраком, а не только чтобы вместе съесть яичницу и выпить по чашке кофе.

– Дэна и мне жалко, Рейчел, – грустно опустила голову Лиза, продолжив после тяжелой паузы разговор. – Он не виноват, что родился у такой матери, которая его в роддоме оставила, пила-курила всю беременность, да еще и сифилисом болела. Видно, судьба у него такая, что делать...

– Да при чем тут это? А мы с Дейлом для него что, не судьба? Нет, все-таки я никак не могу понять, почему нам отказали в усыновлении! Непонятная какая-то русская гордость: пусть плохое, но наше? Никому не отдадим? Так получается? А как же тогда с вашим Достоевским быть? Ведь именно он сказал, что ничего в мире не стоит одной слезы ребенка.

– Ну а при чем тут Достоевский, Рейчел! И нашего судью можно понять, который вам отказал. В то время как раз по каждому телевизионному каналу транслировали те ужасные события в каком-то вашем штате, помнишь? Когда усыновленного русского мальчика приемная мать убила только за то, что он молился неправильно или не слишком усердно. А она, между прочим, тоже ребенка из детдома нашего города усыновила. Знаешь, как у нас пресса любит пошипеть на ваши такие вот дела? Бедному судье тогда по полной програм-

ме от журналюг досталось за то, что он то усыновление узаконил...

– Господи, ну что ты такое говоришь! Как будто у вас таких случаев не бывает! Да сколько угодно! Просто свой грех не так воспринимается, как чужой. Люди – они же всякие: и у вас плохие есть, и у нас. Только усыновление тут при чем? У материнства национальности нет! Нельзя же сказать, что американка плохая мать, а русская хорошая. Да мы и не против – контролируйте нас хоть каждый день, мы же на все согласны и справки все предоставили...

Справок в этом деле и правда скопилось много. Даже чересчур. И переписки всяческой. Пухлый такой, увесистый том составляло это дело. Здесь были и письма родственников Дейла и Рейчел, характеризующие их как добрых и порядочных родителей, и письма от пятерых детей, с воодушевлением ожидающих нового братца, и справки, что медицинский диагноз Дениса детям усыновителей и всем родственникам известен, и справки по результатам криминальной проверки, подтверждающие, что супруги Мак-Кинли не совершали никогда и ни при каких обстоятельствах противозаконных действий, и справки, что усыновители и их дети находятся в хорошем физическом и психическом состоянии. Мало того, в деле имелось письмо-ходатайство от врачей больницы, где лечился Денис, с настоятельной просьбой о разрешении усыновления ребенка, поскольку уж кто-кто, а люди в белых халатах понимали, что для мальчика это единственный шанс

еще пожить в этом мире, поскольку он в него таким горестным образом пришел. Но что толку от этих справок и писем – никто их особо не читал. Перестраховался судья, отказывая американским супругам в усыновлении. Мало ли как все повернется да как на это решение общество посмотрит? Благо формальные основания для отказа под рукой оказались – спасибо нерадивым чиновникам от опеки, пропустившим срок для внесения документов по несчастному Денису Колюченкову в базу данных для усыновления.

Ничего этого Лиза вслух, конечно же, не произнесла. Вздохнула только. Какие ж они упертые, эти американцы! Вот подавай им больного и неходячего Дениса Колюченкова, и все тут. Она, кстати, тоже не понимает этой упертости. Да чего там – самого стремления к усыновлению. Своих пятеро – зачем еще? У нее, например, вообще ни одного нет, и слава богу, она совсем не страдает. Мало того, даже переживаний как таковых по этому поводу не понимает. В жизни и без того много разных событий, из-за которых пострадать можно, зачем же самому себе еще и создавать их искусственно? Не понимает она этого яростного стремления к усыновлению. Хотя, впрочем, и не должна. Ее дело – клиента ублажить, как той девушке самой древней профессии. И получить с него вовремя деньги за хороший, то бишь направленный в его пользу, юридический результат. А всякие сопутствующие ему страдания да переживания лучше до себя не допускать, и тему эту животрепещущую не обсуждать. Не

залезать со своим уставом клиенту в голову, как говаривал старик Заславский. Раз такие упертые, значит, им так надо. А для нее есть одно основное правило – клиент всегда прав. Только вот неизвестно, чем дело закончится. Через неделю назначено по нему самое «распоследнее», самое решающее и окончательно-бесповоротное рассмотрение, аж в Президиуме Верховного суда...

– Лиз, я поеду с тобой в Москву? Завтра Дейл прилетает, вместе бы и отправились!

– Нет, Рейчел, ни к чему это. Одна съезжу. Я же ваш законный представитель. Все, что надо, сама скажу. Я знаю, что и как. Ты же мне доверяешь?

– Да, конечно. Но ведь ты скажешь, что мы не виноваты? Что это ваши чиновники не донесли вовремя куда-то там нужную бумагу...

– Да. Конечно, скажу. Обязательно.

А что, и скажет. Хотя кого она этим удивит? Никого. Про чиновников – это уже отдельная история, с прологом и эпилогом. Тут уж никакого писателя-сатирика Майкла-Михаэля не хватит, чтоб сюжет этот красиво и смешно рассказать.

Сразу после суда, на котором супругам Мак-Кинли было отказано в усыновлении, данные по Денису Колюченко-ву волшебным образом все-таки поступили в банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и тут же чиновники от опеки начали в ускоренном темпе «принимать меры» по устройству Дениса на воспитание в российскую

семью. Однако, как после уточнялось в отчетах чиновников, «возможности такого устройства, к сожалению, не представилось». Надо же – к сожалению! Цинизм какой! Лиза прямо-таки представляла, как семейным парам, желающим взять на воспитание ребенка из детдома, демонстрируют маленького трехлетнего Дениса, с трудом к этому возрасту научившегося стоять в кроватке и держать свою большую водянистую голову на тонкой шейке.

– Рейчел, неужели Дэну и впрямь можно помочь? Что-то не верится... – задумавшись, тихо произнесла Лиза и тут же пожалела о сказанном. Ведь не раз и не два попадала в эту ловушку, потому что американка могла часами захлеб трещать на эту тему, не замолкая ни на минуту – могла выдавать абсолютную информацию обо всех многочисленных медицинских диагнозах усыновляемого русского ребенка и существующих методах лечения. Она знала все последние новинки в этой области, изучила условия американских клиник по приему таких детей на лечение, и даже определенная сумма денег по ее настоянию была отложена супругом на отдельный, специально открытый для Дэна счет, банковскую выписку с которого он и должен был завтра привезти.

– А ты когда последний раз мальчика видела? – быстро переспросила Лиза, чтобы переменить медицинскую тему на более ей доступную. – Как он? Улыбается тебе? Узнает?

– Улыбается. Я каждый день к нему хожу. Меня уже там все знают. А хочешь, поедем туда вместе?

– Да я бы с удовольствием, но сама понимаешь, дела...
Давай в другой раз, ладно?

– Хорошо, в другой так в другой.

Лиза облегченно вздохнула, допила свой кофе и выразительно глянула на часы. Времени-то и в самом деле в обрез... Да если бы и нет, все равно она туда, в детдом, больше ни за что не пойдет! Один раз по настоянию Рейчел побывала, на всю жизнь воспоминаний хватит. Долго потом отойти не могла. Не для Лизы это все. Кому-то ничего, а для нее – пытка настоящая. Невозможно же на несчастных детишек смотреть, у них там глаза такие... Ждущие будто. Смотришь в них и чувствуешь себя сволочью, виноватой за всех матерей, вместе взятых, их вероломно бросивших... Хоть сквозь землю от стыда проваливайся. Нет уж. Лучше туда не ходить и никуда не проваливаться. И в глаза эти не смотреть.

– Так я побегу? Перед отъездом увидимся. Да и у Дейла банковскую выписку забрать тоже не помешает. Привет ему, кстати!

– Лиз, а как сама думаешь, решение будет в нашу пользу?

– Безусловно! Все будет отлично! Поборемся до последнего. Думай о хорошем, не надо заранее отчаиваться.

– Да я-то как раз и думаю... И надеюсь. Что еще мне остается?

– Вот и молодец! Все будет хорошо.

Лиза еще раз улыбнулась широко, красиво и ободряюще. Чисто по-американски. А про себя подумала, что вот она-то

как раз и не уверена, что все будет так уж хорошо...

2

Выбила ее из колеи эта американка. Или не она, а снег, выпавший за ночь? В общем, день совсем не задался. Везде опоздала, куда только можно было. И почему первый снег всегда так деморализует и парализует дорожное движение, скажите? Это же всего лишь снег, а не гололед! Ну, подтаял, ну, грязь образовалась, и что? В пробках теперь часами стоять, что ли? Никаких нервов на эту автомобильно-дорожную хренотень не хватает. А у нее, между прочим, судебное заседание на двенадцать часов назначено! Придется изворачиваться, извиняться, объясняться. А там подзащитный такой неврастеник, что не приведи господи.

Пытаясь объехать очередную мертво-глухую пробку, Лиза нырнула на своем «Рено» в безлюдный переулок, который плавно перешел в сплошные дворы, и тут же заблудилась. Ну как же, конечно... Топографических способностей ей природа определила самую капельку, такую маленькую, что ее в этой области можно было считать даже не кретинкой, а полнейшей идиоткой. Потому что, оказавшись в чуть незнакомой местности, на нее напал неуправляемый ужас никогда из этой местности не выбраться, и она начинала лихорадочно-испуганно кружить вокруг одного и того же места. Такие вот страхи были у известного адвоката Елизаветы За-

славской. А у кого их нет, скажите? У каждого свои, тайные, странные.

В одном из дворов она все же решила выскочить из машины и слегка «припозориться», то есть спросить у гуляющего с двумя детьми папаши выезд на большую дорогу. Лиза практически открыла дверь, но вдруг замерла в нерешительности, потому что папаша этот молодой оказался очень уж похожим на Лёню. Она даже глаза закрыла и головой потрясла, чтоб прогнать наваждение, одновременно соображая, что и куртка его, и шапка мохнатая рысья тоже. Она же сама эту шикарную шапку из Лондона привезла. И, не успев открыть глаз, поняла, что это и есть Лёня. Не понятно только, что он здесь делает, в этом чухлом дворе, на этой жутко-пролетарской окраине города. Да еще и с детьми какими-то... Как он вообще мог здесь оказаться, если всего два часа назад у нее в доме, как выражалась домоправительница Татьяна, «музыку наяривал»?

Закрыв дверь, Лиза тихонько сдала назад, спрятавшись за непонятным строением – то ли рукодельным сарайчиком, то ли маленькой голубятней, и начала внимательно наблюдать за странной картиной – ее Лёня играет с двумя плохо и бедно одетыми карапузами. Может, выйти из машины и подойти? Или нет? И правда – что он здесь делает, интересно? И чьи это дети? Похоже, просто гуляет с ними. Вот один упал прямо в грязный снег, и Лёня бросился к нему как к родному, поднимает, отряхивает так старательно. Ну не снится же

ей все это, в самом деле! Сюрреализм какой-то, ей богу! Ее Лёня, такой эстет, такой тонкий, такой весь из себя пианист – и в жалком хрущобном дворе в компании сопливых мальчишек? Еще одна странность вдруг бросилась в глаза – детки-то одинаковые! Хоть и одеты по-разному, в плохонькую ветхую одежонку, но все равно: лица, белесые волосики торчат из-под козырьков дешевых шапочек, даже голоса их по-детски визгливые – тоже одинаковые...

А в следующий момент Лиза удивилась еще больше, потому что из подъезда ближайшего к площадке дома вышла неказистая маленькая то ли девочка, то ли женщина и присоединилась к этой странной компании. Лиза, быстро порывшись в сумке и нацепив на нос очки, изо всех сил пыталась взглянуть в лицо этой девочки-женщины, но никак не могла выловить его из суеты и мелькания. А может, и не было там никакого лица. Вместо него – серо-бледное вылинявшее пятно. И вообще, она вся была такая, словно вылинявшая, странная, непонятно что из себя представляющая. Облегающая голову серая шапочка была натянута до самых бровей, мальчуковый черный бесформенный пуховичок скрадывал фигуру, штаны стегано-болоньевые и кроссовки... А может, это и не женщина вовсе? Может, и впрямь мальчик такой? И вообще, при чем тут ее Лёня? И что он делает рядом с этим чудовищем – то ли мальчиком, то ли женщиной?

«Это чудовище», одетое и выглядящее так странно, все же оказалось женщиной, потому что мальчишки кричали ей –

мама... Вскоре она начала активно звать их домой обедать слабым и хилым голоском, они смешно убегали в разные стороны, а Лёня их догонял и наклонялся к ним по очереди, говорил чего-то, улыбался весело и дружелюбно. Лиза никогда и не видела, чтобы он так кому-нибудь улыбался. Потом ее муж проводил эту маленькую мальчиковую «маму» с двумя одинаковыми детьми до подъезда и пошел со двора своей дорогой. Быстро, по-деловому. Ну да, правильно, в этом районе как раз и находится его музыкальное училище, где он преподает по классу фортепиано.

Лиза посидела еще минут пять, изо всех сил пытаюсь найти хоть какое-то логическое объяснение увиденному, потом спохватилась и со страхом глянула на часы – она уже точно опоздает на судебное заседание. Да и ответы на появившиеся вопросы все равно в голову не пришли, что особенно ее разозлило, потому что она во всем и всегда любила четкость, прозрачность и ясное видение. И в делах, и в жизни. Тоже старик Заславский научил, между прочим, царствие ему небесное. Хотя и зря, наверное. Вот, злится теперь, потому что ничего этого в недавних событиях не наблюдается и в помине. Есть только одни сплошные вопросы и неприятные загадки.

Скомкав кое-как день, устав до смерти и злясь на саму себя за то, что так болезненно восприняла странную утреннюю картинку, она подъехала к дому, с облегчением узрев в освещенном окне Лёню. Он вообще любил подолгу так стоять: скрестит на груди по-наполеоновски руки, замрет в одной

позе и пялится часами в темноту. Она даже побаивалась его в такие моменты. Кто знает, о чем он думает? А может, любимый так рефлексировал по поводу своей неудавшейся исполнительской гениальности? Внушили парню с детства, что он музыкальный вундеркинд, вот и мается теперь! Во всех знаменитых конкурсах на участие выставлялся – ни на одном не победил. Дальше пятого места дело не доходило. Переживал страшно, чуть до психушки не докатился. И мамаша его, бывшая клиентка Заславской, через которую она и познакомилась тогда с Лёней, на сыновней гениальности сдвинута была... И когда Лиза увидела его, такого летящего, с кудрями, с горестными глазами непризнанного гения, так и заныло сердце, и чувства небывало-нежные да трогательные откуда ни возьмись на голову свалились – хоть ревом реви. Она и в талант его исполнительский сразу поверила, хоть и не понимала ничего в этом виде искусства. Возможно, даже больше всех поверила. А что вы хотите? Одиннадцатое место на Московском международном конкурсе юных пианистов имени Шопена из сорока участников – это вам баранчихнул, что ли? И десятое место на Международном конкурсе пианистов имени Прокофьева? Это тоже был результат! Просто Лёня хотел только первое место, заиклился на нем, и все тут! До самого настоящего невроза дошел, вот и сорвался. Впечатлительный очень. Нервы тонкие, как ниточки. Талантливый потому что...

Именно тогда, шесть лет назад, она и влюбилась в него

сразу и бесповоротно. До сладкой и ноющей боли в сердце, до дрожи в коленках. И еще – катастрофически влюбилась. Это она сегодня поняла, когда его в том дворе увидела. Потому что ненужные, противные и страшные вопросы сразу полезли в голову, заставили ее остаток дня периодически впадать в панику, вздрагивать, нервничать, замирать от ужаса. А вдруг он ее больше не любит? И что за странная маленькая женщина со своими одинаковыми детьми была рядом? А вдруг уйдет? Возьмут да и уведут, в конце концов? Вот будет ужас, настоящая катастрофа, стопроцентный форс-мажор! Что же с ним происходит, с ее мальчиком? Ей, наоборот, казалось в последнее время, что он успокоился, даже преподавать пошел в музыкальное училище. Правда, обмолвился как-то, что нет там ни одного талантливого исполнителя и в помине, что скучно и неинтересно ему.

Уже поставив машину в гараж и ступив на крыльцо дома, Лиза поняла, что так и не ответила ни на один мучительный вопрос. И так и не решила – говорить Лёне или нет, где видела его сегодня. Спросить или не спросить, что он там делал? Может, пока не стоит? Обидится еще, скажет, что следила.

Как всегда, она решила действовать по обстановке. Из жизненного опыта знала, что с Лёней ничего нельзя загадывать заранее. Сейчас она посмотрит на его настроение, поговорит, подластится и сама все поймет, увидит и решит проблему – если она есть, конечно. Уж что-что, а жизненные проблемы Лиза умела решать. И не только свои, но и чужие.

Потоптавшись около крыльца в противной, начинающей подмерззать кашице из жидкого снега и пытаясь таким образом хоть как-то очистить от грязи обувь, Лиза подумала, как быстро в природе все свежее и нежно-красивое превращается в обыкновенное надоедливое недоразумение: еще утром так было празднично и бело, а к вечеру – все, ничего такого больше нет. Ничего, кроме грязи и гриппозно-нехорошего промозглого сырого воздуха. Ну что за жизнь...

Открыв дверь, она шагнула в сухое спасительно-комфортное нутро дома, плюхнулась на диванчик в просторной прихожей и с удовольствием вдохнула в себя знакомые вкусные запахи: теплого дерева, хорошего кофе, Татьянинных горячих ежевечерних плюшек. А еще чего-то необыкновенного, из детства, что не имело, конечно же, никакого особенного запаха, но, тем не менее, тоже радостно и нетерпеливо встречало ее в прихожей, витало над головой и с удовольствием опускалось на плечи, как темно-синяя ажурно-пуховая бабушкина шаль со сказочно блескучей, вкрапленной в рисунок золотой нитью. «Дом-то у тебя намоленный, видать, Лизавета, – однажды совершенно точно выразилась Татьяна. – Уж больно дышится в нем легко да весело. Видно, добрые души тут обитали да много от себя хорошего оставили. Чувешь, как воздух ласково позванивает? Я иногда колокольца

эти так ясно слышу».

Лизе и самой казалось, что дом хранит и оберегает ее от всего плохого и злобного. Что стоит только войти внутрь, закрыть дверь поплотнее, и оно, это плохое и злобное, останется там, снаружи, и не посмеет даже и шагу ступить в эту домашнюю «намоленность» и «уютность», устроенную годами стараний родителей и бабушки с дедушкой. Вот если бы так же можно было за порогом страхи свои сегодняшние оставить...

– Ну чего расселась как клуша? – выглянула в прихожую сердитая Татьяна. – Устала, что ль? Так иди в ванную, в бане своей смешной попарься. Придумали тоже занятие – баню в дому соорудить... Да и разве это баня? Так, смехота одна... Прости меня, господи, грешную – все у вас не так. То воду в ванне ходуном ходить под собой заставят, то в клетушке какой в пару сидят...

– Татьяна, а Лёня давно домой пришел? Ужинал уже?

– Не-е-е... Не ужинал еще. Недавно заявился, на такси приехал. Балуешь его, Лизавета! Где ж это видано – столько денег на такси тратить! Этак никогда на него и не напасешься! Другие-то мужики своих баб везде на машинах возят, а ты сама за рулем, как и не баба вовсе...

– Да не любит он за рулем сидеть, что с этим поделаешь. А не любит – не надо. И вообще, не ворчи. Помоги лучше сапог снять. Кажется, что нога у меня в него выросла намертво...

С трудом стащив с Лизы мокрую обувь, Татьяна посмотре-

ла на девушку молча и жалостливо, потом расстроено махнула рукой и ушла по своим делам – на кухне что-то страстно шипело и сердито шкварчало на сковородке, требуя срочного хозяйского пригляду. Всяческих новомодных штук вроде таймеров да микроволновок Татьяна не терпела, готовила по старинке, вкусно и по-деревенски запашисто-наваристо: уж если борщ, то с настоящими шкварками, если котлеты, то с румяно-поджаристой корочкой, и даже щи томить и варенец деревенский она умудрялась делать, хотя русская печь на кухне большого, перестроенного на современный лад дома давно была разобрана и выброшена. Лизе ее стряпня нравилась. Даже очень. Все было настоящее, глазу видимое, от земли, от воды да от огня, а не какое-то суррогатно-переработанное и вредными искусственными модифицированными белками обильно сдобренное.

Остальное Лизино хозяйство Татьяна вела справно и проворно, даже газоны научилась подстригать, наконец, красиво. Орудовала газонокосилкой так, будто всю жизнь только этим и занималась. Но ворчала при этом все равно громко и сердито, никак не желая смириться своим деревенским умом, что «столь годов земля зазя под парами пропадает, могли бы овоща всякого сколь много нарастить, вместо того чтоб деньги попусту торговкам на рынке спускать...» И в деньгах она была щепетильна порой до занудного безобразия – чуть не силой заставляла хозяйку вникать в нацарапанные карандашом в особой тетрадке отчеты, где до каж-

дой копеечки все потраченное старательно расписано было – что, куда и сколько. И бедной Лизе, с огромным трудом сдерживавшей смех, приходилось постоянно разбирать Татьянины непонятные каракули да читать про то, как «...сахарного песку в кульке было меньше насыпано, чем на бумажке приклеено, сволочи проклятушие, обвешивают все-таки...», или «...где это видано лук-перо за деньги покупать, говорю тебе давно, грядки свои садить надо...»

В общем, крупно повезло Лизе с Татьяной. Обижена была ею полностью и облизана, можно сказать, как только что родившийся теленок, и любима к тому же всем простым Татьяниным бабьим сердцем. Если б вот еще и Лёню домоправительница так же полюбила – цены б ей тогда совсем никакой не было!

Посидев еще немного в темной и теплой прихожей, Лиза нащупала под диванчиком уютные домашние туфли-шлепанцы и решительно поднялась на ноги. Надо подняться наверх к Лёне, узнать, в конце концов, что с ним такое происходит. Да и вообще, соскучиться она по нему за сегодняшний день успела. Если не считать, конечно, того, что днем видела.

Лёня так и стоял у окна в прежней позе, сцепив на груди руки и нервно сводя худые лопатки. Услышав ее осторожное цоканье каблучков по лестнице, он обернулся на секунду, улыбнулся легуче-равнодушно и снова повернул голову к темному окну.

– Привет. Ты есть будешь? Татьяна что-то такое вкусное делает! Запах стоит просто умопомрачительный.

– Нет, не хочу. Ужинай без меня. Ты устала, наверное?

От его грустного, звенящего на одной минорной ноте голоса снова схватилось и заныло Лизино сердце. А может, и не от голоса, а от вида этой тонкой нервной спины, от длинных и стройных, по-мальчишечьи еще журавлиных ног или от блестящих черных локонов, рассыпанных по прямым плечам. Да и какая, собственно, разница, от чего оно так сладко и счастливо заныло и тут же замерло, остановилось будто. Это значит, оно есть, живое и счастливое. И пусть этот высокий красивый мальчик хоть как с ней разговаривает, сердится, обижается на что угодно. И капризным будет, или талантливым непризнанным гением, или вообще напрочь беспомощно-бесталанным – какая разница? Раз уж сердце распорядилось – так тому и быть. Хочет оно сладко ныть, вздрагивать, останавливаться и болеть – значит, ему так надо. И ничего с этим не поделаешь...

– Да, Лёнь, устала, очень. А скоро еще в Москву ехать. Представляешь?

– Это по тому делу об усыновлении американцами?

– Ну да...

– Надо же, молодцы какие.

– Кто?

– Ну, клиенты твои. Так за ребенка борются. Другие давно бы отступились.

– А... Ну да...

– Лиза, а ты никогда не хотела иметь ребенка?

– Я?!

– Ну да. Почему ты так удивилась?

Лёня опустил руки и медленно повернулся. «Вот же гадкий мальчишка», – вспыхнула вдруг у нее в голове противная мыслишка и тут же погасла, как спичка на ветру. Нельзя на него злиться. В рамках держаться надо. Хотя мог бы подумать, прежде чем такие вопросы задавать. А может, он ей больно сделал? Что он вообще знает про нее? За шесть совместно прожитых лет только и делал, что о своих творческих проблемах талдычил... Да и сама она не горела желанием, если честно, о прошлой жизни рассказывать. Она и сама с большим удовольствием занималась его творческими проблемами да свое ноющее и сладко всхлипывающее сердце тешила.

А жизнь до Лёни у нее была очень, ну очень насыщенной и разнообразной. Во всех планах и разворотах. И что касается огня, и воды, и даже медных труб...

Она была у мамы с папой единственным, любимым и балованным ребенком. Ее любили все – и родители, и бабушка с дедушкой, и многочисленные родственники, которые с удовольствием и часто собирались в доме. И мамини, и папины сестры и братья почему-то смешно звали себя кузинами и кузенами, а потом и к младшему поколению эти старинные словечки намертво привязались. Они тоже навсегда

остались друг для друга этими самыми кузинами. Смешно, а красиво. И словно так и надо... А с кузиной Варварой, дочкой маминой сестры, они вообще в один день умудрились родиться и потом долго росли вместе в этом доме. Как самые настоящие родные сестры. Все между ними делилось с детства поровну, и даже профессию будущую выбрали одну и ту же.

Сразу после школы Лиза и Варвара рванули в Москву – поступать не куда-нибудь, а только в университет. И только на юридический факультет. А что? Аттестаты у них были практически пятерочные, язык подвешен не хуже московского, и репетиторы по всем нужным предметам выложились на них дочиста – родители целых два года денег на это не жалели. И поступили практически с разбегу – всех сразили своим провинциально-сибирским обаянием да глубочайшим знанием сдаваемых предметов. В те незапамятные времена при поступлении в высшее учебное заведение такого ранга и впрямь всем этим кого-то сразить можно было... И учеба у Лизы сразу заладилась, и жизнь столичная понравилась. Вместе с Варварой они сняли неплохую однокомнатную квартиру в тихом центре и зажили в удовольствие, а вскоре, оглядевшись и попривыкнув, вообще почувствовали себя настоящими столичными штучками. Девушками они были видными – и красотой здорово-сибирской, и ростом, и другими всяческими девичьими прелестями природа их не обидела. И умом хватким да пытливостью к наукам. Уж что-

что, а цену себе Лиза всегда знала – родителям за то спасибо, без комплексов всяких выросла, в любви да в уважении к детской личности. И уверена в себе была полностью – все у нее будет как надо. И в любви тоже. Так оно поначалу вроде бы складывалось...

Еще на первом курсе познакомилась девушка с красивым молодым мужчиной. Не со студентом каким, юношей романтическим, а именно с мужчиной. Лиза приняла поначалу это знакомство за должное, все так и должно было происходить: чтоб к университету подъезжала белая «Волга», чтоб выходил из нее с букетом белых роз красивый импозантный мужчина в белом шарфе, накинутом по тогдашней моде поверх черного длинного пальто, чтоб на виду у изумленных однокашников шел к ней, улыбаясь широко и влюбленно, чтоб галантно открывал перед ней дверцу машины и подсаживал туда, слегка придерживая под локоток. И имя у него было совершенно подходящее, просто-таки до неприличия красивое – Артур... В общем, пока ее однокашницы-провинциалки только присматривались к столичной жизни и пытались робко положить свой красиво подведенный да накрашенный глаз на местных коренных ротозеев с постоянной московской пропиской, Лиза успела закрутить настоящий роман с сопутствующими ему прелестями – ресторанами, дачными пикниками, золотыми колечками да французскими духами. И влюбиться успела в кавалера без ума. И отдалась ему так же – безоглядно, доверчиво и с радостью. И о беременности

вскоре так же сообщила с радостью – как раз перед летней сессией после первого курса. Она тогда испугалась немного, конечно, что рановато как-то для ее планов эта самая беременность приключилась, но подумала и решила – ничего. Вот сдаст экзамены, а потом повезет жениха к родителям знакомиться. Это потом уже легкий испуг в настоящий ужас перешел, когда красавец Артур, который, по всем ее девчачьим представлениям, должен был, просто обязан как человек честный и порядочный, до смерти этой беременности обрадоваться и предложить ей руку и сердце, вдруг объявил сердито и раздраженно, что хоть сердце его на сей момент Лизе и принадлежит, но вот с рукой как раз дело обстоит гораздо хуже. Она давно и прочно занята другой женщиной, которая успела, наглая такая, еще до Лизы родить ему двоих прелестных деток, мальчика и девочку, и тем самым в руку эту вцепилась уже намертво и отпускать ее вовсе не собирается. Да и сам Артур особого желания вырваться на свободу не проявлял. Так что девушке следует этот вопрос форсировать быстро и решительно, если судьбу студенческую испортить не желает. Лиза и форсировала. А что было делать? Только так и оставалось – быстро и решительно, сессия-то была на носу.

Ей бы, конечно, сразу после таких грустных событий поумнеть и бежать от своего Казановы безоглядно, да только этого не случилось почему-то. Влюбилась сильно. Успела уже всем глупым организмом к нему прирасти. Даже к роди-

телям на каникулы всего на недельку съездила – и обратно в Москву. Решила – будет бороться за любимого до конца, всеми правдами и неправдами из семьи уводить, потому что негоже на полпути останавливаться, и даже в любви негоже. Оставшиеся годы учебы Лиза в этой борьбе и промаялась, а покинула поле боя совершенно измученная и израненная – и душой, и телом. Дважды еще в ту больницу попадала, чтоб очередные события форсировать. И даже не отреагировала никак на произнесенные грустным врачом последние слова: «...А детей у вас, деточка, никогда больше не будет. Что ж делать – я предупреждал. Мне очень вас жаль...»

Она даже и особого значения тогда не придала этому «жаль вас, деточка». Чего уж прям – жаль-то? Ну, не будет и не будет. У нее и любви такой больше никогда не будет... Ей казалось, что закончилась она в ней, вытек весь положенный потенциал за пять московских бурных лет. Вернулась в родной сибирский город с университетским дипломом и пустой холодной душой. Но решила жить дальше, как та литературная героиня – раз не нашла любви, будет искать золота. И скоро вышла замуж за самого известного в городе адвоката – старика Сигизмунда Заславского. Он уже тогда по возрасту ей в дедушки годился. Мама с папой только горестно плечами пожали, но не сказали ничего – опять ее выбор уважили. Хорошие были у нее родители. Жаль, умерли рано. И осталась она жить с Заславским, который, к чести его сказать, окружил ее настоящей заботой и последней ле-

бединой стариковской трогательной любовью. Был и мамой, и папой, и терпеливым учителем, и щедрым меценатом: в Англию учиться отправил, в круги какие надо ввел, контору свою адвокатскую ей передал и клиентов хороших и по-дружески постоянных. Все отдал, всему научил и тихо помер.

А Леня только через год после бедного Заславского в ее жизни появился. Когда она родительский дом перестроила да в него жить вернулась. Не смогла в доме покойного мужа одна жить, тяжело почему-то было, словно обманула его в чем. Но ведь не обманула же – все восемь лет верной женой была. А все равно чувство такое осталось, и все тут...

Так что с Лёней Лиза начала свою жизнь, можно сказать, с чистого листа. Как будто ничего раньше такого и не было – ни любви несчастной и униженной попрошайничеством, ни расчетливого профессионального брака – ничего. Она, можно сказать, только с Лёней и узнала, какая она есть на самом деле, настоящая любовь. В чистом виде, без лишних телесных страстей, без материального стяжательства. Когда смотришь на тонкую нервную спину в белой батистовой рубашке, и сердце твое поет-надрывается и болит сладко и нежно. Вот все бы, казалось, она любви этой под ноги бросила, даже жизнь свою. Только бы и делала, что все желания Лёнины подряд исполняла. А он взял и про ребенка вдруг заговорил. И что теперь отвечать? Правду? Что родить никогда не сможет? Нет, так нельзя. Надо срочно что-то придумывать, выкручиваться как-то. Только как? И в голову, как назло, ника-

ких хороших мыслей не приходит. И почему она всегда считала, что не надо ему вообще никакого ребенка? Вот дура была! Это ж надо – на глупости такой проколоться! Не подготовиться к такому вопросу заранее...

– Лиза, ты почему молчишь?

– А что? Что такое?

– Я спросил – ты никогда не хотела иметь ребенка?

– Ну почему не хотела? Хотела, конечно. Только моему Заславскому уже глубоко за шестьдесят было, когда мы поженились.

– Ну а усыновить?

– Усыновить?!

– Ну да, а что? Ты же женщина. Все женщины, по-моему, хотят иметь детей. Природой им так положено.

– Ну да. Так оно, конечно, – замялась Лиза и с опаской взглянула на подсевшего к ней на диван Лёню. – Просто странно, почему ты об этом вдруг заговорил... Правда хочешь ребенка?

– Не знаю. Не в этом дело, хочу или нет. Просто странно, что мы никогда об этом даже разговора не заводили. Как будто эта тема нас вообще не касается. Согласись, это странно как-то, правда?

Лиза моргнула и замолчала, отвернувшись. Она вдруг очень испугалась. Прямо холодок мерзкий по спине пробежал. Сразу всплыла в голове и утренняя картинка – Лёня, гуляющий с двумя близнецами в чужом дворе... Потом еще

и странная маленькая женщина к картинке присоединилась, на мальчика похожая, – кто она такая, интересно? Неужели все-таки соперница? Опять же – не может быть, уж больно неказиста для этого коварного дела. Лёня по жизни абсолютный эстет, не мог польститься на линялое да никаковское убожество. А она, Лиза, и в свои тридцать шесть – писаная красавица! Высокая, статная, всегда свежая да ухоженная, и деловой дорогуший костюмчик сидит, как вторая кожа, будто родилась на свет уже в него приодетая... Нет, не может у нее быть никакой соперницы. Тут что-то другое. Очередной какой-то заскок, наверное, происки пережитой неврастении, издержки талантливой души. Не зря же говорят, что все талантливые люди чуть-чуть, самую малость шизофреники... А может, взять да и спросить у него в лоб, что это за утренняя картинка? Или нет? Почему, собственно, нет?

Она уже было повернулась к нему, и воздуху в грудь набрала, и лицо себе сделала смешливо-равнодушное, чтоб не рассердить его, не дай бог, своим глупым вопросом, да Лёня опередил ее, грустно проговорив:

– Понимаешь, я давно хотел с тобой поговорить об этом.

– О чем? О детях?

– Ну да. В общем, и о них тоже. И о смысле нашего с тобой здесь существования.

– Почему же существования? Что тебе не нравится? Разве плохо живем? Нам чего-то не хватает? Мы оба самодостаточные люди, а тебя так вообще бог талантом наградил! Грех

жаловаться на жизнь!

– Ну да, все так. Да только чем дальше, тем больше я себя альфонсом чувствую. Раньше вот не чувствовал, а теперь сам себя стыжусь. Иногда такой ужас накатывает.

– Лёня, ну ты чего? Да как ты... Опять надумал себе. – Лиза в отчаянии развела руками и горестно покрутила головой, не зная, что еще сказать, как объяснить, какой болью его слова врываются в сердце. Ничего себе, альфонс... А она, выходит, что – старая богатая дура, его покупающая? Да как он может! Лизе вдруг захотелось заплакать, чего она в принципе никогда не делала. Чего плакать-то? Слезы еще никому и никогда ни в чем не помогли. Да и вообще – зачем кожу на лице этой соленостью портить? Дернув головой, она положила ладонь на горло и судорожно сжала его, чтоб прогнать противный спазм и проглотить, наконец, эту обиду, как горькую таблетку. Надо быть мудрее первой обиды – так учил старик Заславский, и был прав. В самом деле, слишком много драгоценных сил и эмоций она забирает, эта первая вспышка обиды. Потом их ничем не вернешь. Снова встряхнув головой, она через силу улыбнулась и спокойно продолжила:

– Ну не смейся меня, ей-богу! Какой альфонс? Ты же талантливый музыкант! Почти гений! Ты так сегодня утром играл, у меня даже мороз по коже шел...

– И поэтому ты ушла, не дослушав? Брось! Никакой я не музыкант. Я никто. Понимаешь? Никто. Бесплезный воз-

душный шарик. Твоя игрушка, играющая в дорогие игрушки. Зачем ты купила мне этот «Стейнвей», Лиза? Для чего? Я играю на нем и чувствую себя абсолютно бесталанным и бесконечно тебе обязанным...

– Не надо, прошу тебя. И вообще, это у тебя все временно, тоска такая... Она пройдет. Ты и в самом деле очень талантлив. Я знаю. Да ты и сам это знаешь! У тебя еще все будет...

– Да что у меня будет? Мне тридцать лет! Что у меня может быть? Если сейчас нет практически ничего? Что я еще в жизни делал, кроме участия в дурацких конкурсах? Я не посадил дерева, не рашу сыновей, живу в чужом доме на всем готовом! Я абсолютно бесполезная вещь, Лиза! На свете нет ни одного человека, искренне нуждающегося во мне, в моей мужской силе и помощи!

– А как же я, Лёнь? Я очень нуждаюсь! Ты нужен мне! И этот дом тебе не чужой, он и твой тоже! Зачем ты так? Что ты...

– Нет, Лиза. Ты не понимаешь меня. Не понимаешь даже, о чем я сейчас толкую. Не нужен я тебе. Ты ведь даже ребенка от меня не захотела родить. А зачем? У тебя уже есть одна игрушка, чтоб ее любить, чтоб ощущать в себе суррогатную к ней привязанность. Нельзя ведь жить без привязанностей, правда? И вообще, мы с тобой ролями поменялись, не заметила? Ты, сама того не ведая, возложила на себя ролевую функцию мужчины-добытчика, а мне что оставила? Место хранителя у костра? Роль украшения домашнего очага? А ты

не думала, что мне самому необходимо приносить кому-то еду в клювике? А самое главное, чтоб ее кто-то очень сильно ждал и на нее надеялся, как на спасение от голода, и меня вместе с этой едой...

– Но я же не виновата, что так получилось! Давай я не буду работать, буду дома сидеть и ждать еды из твоего клювика. Чего ты хочешь? За что ты меня так мучаешь?

Лицо у Лизы самой собой скривилось и некрасиво задрожало – ну сколько оно могло уже сдерживаться, ее лицо, черт побери! И вообще, мудрость мудростью, а обида – обидой... Но она все равно не заплакала. Просто закрыла лицо ладонями плотно, изо всех сил сжимая красивые пальцы. Пусть думает, что она плачет. Может, перестанет ее мучить, наконец. А что? Другая женщина при таких раскладах давно бы уже на истерику изошла да обрыдалась. Вот же мальчишка – эгоист какой. Только о себе и талдычит! Дерево он не посадил, видите ли. Детей не вырастил...

Сквозь слегка раздвинутые пальцы ладоней Лиза видела, как Лёня смотрит на нее, растерянно моргая длинными черными ресницами, – впервые за шесть лет, можно сказать, наблюдает такое зрелище: его железная жена – и вдруг плачет. Она заметила, как муж испугался. Вот глупенький! В следующий миг ей вдруг стало отчаянно противно от этого обмана-притворства. Она и в самом деле забыла, каково это – плакать. Непозволительно было, непрофессионально. Нельзя поддаваться эмоциям ни при каких обстоятельствах. Так

старик Заславский учил...

– Лиза, ты что? – удивленно и испуганно выдохнул Лёня. – Прости меня! Сам не знаю, чего наговорил. Это очень обидно, да? Ну прости, я не хотел.

Он осторожно провел рукой по ее гладко зачесанным в тяжелый узел волосам, привлек неумело голову к своему плечу. Даже попытался ласково ее ладони от лица отодрать, да только Лиза не далась. От проявления к себе мужской жалости она и впрямь чуть не расплакалась – не привыкла к такому. Да и Лёня с ней этого не умел. Он умел только принимать от нее похвалу, восхищение, вкусную еду, незаметный глазу обиход и всякую такую прочую инициативу. Мог и сам всплакнуть, а она его утешала ласково. А чтоб самому приласкать – этого нет, не получалось как-то. Первый раз, можно сказать, неловкую попытку сделал. А что, ей даже понравилось...

– Лёнь, а давай поедем вместе в Москву, а? – через ладони проговорила Лиза, неудобно держа голову на его плече, так и не решаясь вытащить ее из-под его руки. – И Варвара будет рада. Поживем там недельку, ты развеешься, в консерваторию на концерт сходишь...

– Нет, я не могу.

– Почему?

– Давай уж как-то без меня. Я тоже свои дела не могу бросить, на целую неделю уехать.

– А какие у тебя здесь дела?

Лиза отняла ладони от лица и взглянула на его профиль. Было видно, как дрогнули чуть-чуть желваки на щеках, как опустились вниз медленно и виновато длинные черные ресницы. И сам он будто слинял и замялся слегка от простого вопроса.

– Ну... Дела как дела...

– А что, они такие уж важные?

– Важные. А ты считаешь, что у тебя одной могут быть важные дела?

– Нет, почему...

Так Лиза и не решилась спросить у него про то, что днем в старом дворе увидела. Остановило что-то. Хватило ей в тот вечер и этого незадавшегося разговора. И за всю оставшуюся до поездки неделю тоже не спросила. Несколько раз хотела заговорить об этом, да так и не посмела. Все время что-то останавливало, и все тут...

4

А в Шереметьевском аэропорту никаких признаков зимы в помине не было. Первым снегом здесь еще и не пахло, всю моросил надоедливый осенний московский дождь, и деревья еще не сбросили нарядные желто-красные одежды. Красиво...

Она вообще любила прилетать в Москву, любила суету аэропорта, озабоченных дорогой людей, и даже толпа так-

систов-частников, накидывающихся со своим вечным и алчным вопросом «куда едем?» на выходящих из зала прилета пассажиров, ее не раздражала. Из их толпы она всегда безошибочно выбирала того, кого нужно. На сей раз ей был нужен водитель, который подвезет ее для начала к хорошему детскому магазинчику – подарками-то для детей кухни она не догадалась запастись. И это, скорее всего, должен быть приличный молодой папаша, алчущий быстрого заработка на свои семейные нужды. А вот и он стоит в сторонке – глаза тоскливые, голодные, ключики на пальце вертит озабоченно...

– Ну что, поедем? – подошла к нему напрямую Лиза, миная толстых дядек в засаленных куртках и надвинутых на глаза таксистских заливчатских кепонах. – Мне на улицу Энтузиастов надо, а по пути в детские магазинчики заскочим. Ты знаешь хорошие? Торговаться не буду, заплачу, как положено.

– Конечно, знаю! – не веря своему счастью, расплылся в улыбке мужичок, хватая у нее из рук сумку и быстро продвигаясь через толпу к стоянке. – Как раз в том районе хороший магазин с детскими товарами есть. Вон мой «Мерседес» стоит...

Им оказался старенький, но очень ухоженный голубенький «жигуленок» шестой модели. Вот и хорошо. Не с ветерком поедем, так с ностальгией. Первой ее машиной тоже когда-то была такая вот «шестерочка». Звонить Варваре и пре-

дупреждать о своем приезде она не стала. У них давно было меж собой оговорено и принято – не предупредить. Чтобы принимающая сторона, так сказать, не суетилась: чистоту в доме специально не наводила, в магазин за вкусностями не мчалась, да и встречать в аэропорту особо не затевалась – не всегда же с руки и быстро это получается. Тем более Варваре, с тремя-то детьми. Да и приятнее намного, когда родное лицо сваливается на тебя неожиданно. Радости больше.

– Что, брат, достала семейная жизнь? Халтурить приходится? – ехидно улыбнувшись, повернулась к водителю Лиза, когда «жигуленок», лихо вырулив со стоянки, довольно шустро помчался по переполненному машинами шоссе.

– Да и не говорите, – улыбнулся он в ответ грустно. – А что, так заметно?

– Ага. Стоишь, несчастный такой, в сторонке, а в каждом глазу по доллару светится.

– Да какое там, по доллару! Столько приходится опричникам за каждого пассажира отдавать, что и не выгодно вовсе. А семью, вы правы, ее ж кормить надо. Жена вот в роддом скоро за третьим отправится...

– Ладно, не прибедряйся. Если б не захотели, так и не отправилась бы. Ничего, мужик, терпи. Дети, они нынче дороги. Зато, наверное, молодцом себя чувствуешь! Потомством, так сказать, в жизни утверждаешься.

– Не знаю. Некогда об этом думать. Может, и утверждаюсь. А что? Это тоже жизнь, между прочим. А главное – не

зряшная. Трудноватая, конечно, но уж точно не зряшная. А где двое, там и трое, правда? И вообще, так интересно бывает своему потомству первый раз в рожу глянуть! Прямо в дрожь бросает от любопытства – какой он такой получился...

– Да ты, парень, философ, я смотрю! – грустно рассмеялась Лиза.

– А то! Зафилософствуешь тут... Не на Западе живем, где их буржуйские правительства вокруг каждой многодетной семьи на цыпочках прыгают от восторга! Сами через все материальные трудности пробиваемся. Вот и приходится философствовать, а что еще остается?

– Так вроде и у нас какие-то деньги теперь дают за второго, за третьего...

– Ну да. Есть такое дело. Полувиртуальные, но деньги. А у вас сколько детей?

– У меня? Знаешь, тоже трое! – совершенно неожиданно для самой себя соврала Лиза. – И все мальчишки...

– Ух ты! Здорово! Муж-то сильно доволен, наверное.

– Ага. Доволен. Сильно.

Лиза вдруг загрустила и отвернулась к окну. Стало отчего-то не по себе, как будто никчемным этим враньем сотворила какую-то пакость несусветную. И чего ей вздумалось прилгнуть так неожиданно? Как будто язык сам собой повернулся и ляпнул, не спросив хозяйского разрешения. Вроде никогда такого раньше за собой не замечала. Оговорочка по

Фрейду... Фу, противно-то как. Надо будет про это Варваре рассказать. Она умная, это Лизино странное поведение сразу объяснит, все по полочкам разложит. Она и свою жизнь вот так же аккуратно разложила.

Кузина Варвара, в отличие от Лизы, действительно умудрилась устроиться как нельзя лучше. Со страстными романами не спешила, замуж вышла основательно и не торопясь, за своего же студента-однокашника. Скромного, зато с московской пропиской. Не очень поначалу заметного, зато умненького. Теперь же этот скромный и умный однокашник всю вошел в силу, имел довольно престижную и денежную работу, хорошую квартиру, достраивал дачку где-то за МКАД и довольно прилично содержал семью, состоящую из жены, то бишь Варвары, и троих детей – младшему, Ванюшке, недавно годик исполнился. В общем и целом кузина жизнью своей была довольна.

Магазинчик, куда ее привез многодетный водила, действительно оказался неплохим. Он даже предложил помочь с выбором нужных вещей, да Лиза отказалась. В детских товарах она вообще ничегошеньки не понимала, и не хотелось перед ним разоблачаться в окончательную врушку. И потому, изобразив озабоченную многодетную мамашу, она вышла из машины и бодро прошагала к дверям магазина. Только вот что бы такого прикупить, она не знала. Игрушки? Штанишки-костюмчики? Черт его знает. Попыту-то никакого.

Она и сама до конца не понимала, почему к собственной бездетности всегда относилась несколько легкомысленно. То есть этот вопрос не был для нее таким уж страдальческим. Ну нет детей и нет. И что? В принципе не очень-то и хотелось. Не всем же дано испытать эту радость! К тому же она была для Лизы абсолютно сомнительной и где-то не совсем понятной. Ну, растет на твоих глазах еще один человек, болеет, капризничает, внимания требует, любви. Какое в этом особенное счастье, объясните? Словно других эмоциональных переживаний не существует. Да она, Заславская, так порой своими мыслями и эмоциями уходит в какое-нибудь казусное трудное дело, в муках рожая нужный результат, что некоторым матерям и не снилось. И ответственности у нее не меньше. И нравственных мук да сомнений тоже сколько угодно – на нее же люди надеются. А некоторые, можно сказать, и уповают в тяжелых жизненных ситуациях. Так что дети детьми, а профессия – профессией. И вообще, как-то не представляла Лиза себя матерью. Видно, потребности такой у нее не сложилось. Хотя вопросы Лёнины насчет отсутствия в семье детей в душу все-таки запали нехорошими такими камешками-сомнениями, будто уличил он ее в чем-то нехорошем, в неполноценности какой. Потому и с языка это неожиданное вранье сорвалось, наверное. Как будто она оправдываться вынуждена перед самой собой. А может, перед Лёней? Вот ведь, детей ему подавай... Не за что оправдываться, не виновата она ни в чем! Чего она будет

с ними делать, с детьми этими? Чего с ними вообще делают? С ума сходят от горшков, памперсов, визга и крика? Нет, не понимает она ничего в этом деле, не дано. И пусть он отстанет от нее со своими дурацкими рефлексиями...

– Я могу вам помочь? – подошла к ней вежливая молоденькая девушка-консультант. – Что бы вы хотели купить для ребенка? Одежду? Игрушки? Или вам просто подарок надо сделать? На какой возраст?

– Э-э-э... Одному, кажется, пятнадцать. Второму, если не ошибаюсь, пять. И еще одному годик. Все мальчики. Что-нибудь из игрушек и одежды мне подберите, пожалуйста. На ваше усмотрение, – благодарно откликнулась на предложение о помощи Лиза.

– Ну, для пятнадцатилетнего вряд ли здесь что-нибудь найдем. Они сейчас уже в другие игрушки играют, знаете ли, – весело хохотнула девушка. – А вот для малышей, пожалуй, подберем.

Через полчаса, держа перед собой красивые пакеты с подарками, она загрузилась в «жигуленок» и, обернувшись к водителю, попросила:

– Слушай, парень, дай совет... Чего такого можно купить пятнадцатилетнему мальчишке, чтоб он страшно обрадовался?

– Презервативы! – хохотнул парень. А через секунду, посерьезнев, проговорил грустно: – Вот я, например, плееру был бы рад. Вчера стоял в магазине, так долго на новый MP3

смотрел. Дорогой, зараза, сто долларов жалко.

– Хорошая вещь?

– А то!

– Ну так поехали, покажешь! А то куплю чего-нибудь не то. И тебе давай куплю тоже. В качестве премии за многодетность. Поддержу, так сказать, в твоём лице отечественного производителя...

– Что, правда? – молодой водила удивленно уставился на нее.

– Правда! Поехали! Где видел свой этот MP3, туда и вези.

А через час, нетерпеливо переступая каблучками, вся обвешанная шуршащими-блестящими пакетами с подарками, она уже изо всех сил давила на кнопку звонка Варваринной квартиры. И вскоре закружилась в шуме-гаме встретившего ее в прихожей семейства, в цеплянье больших и маленьких рук и ручонок, в радостных возгласах и детском визге. Потом радость от встречи плавно перетекла в дружный восторг от распаковывания подарков, примерки красивых ярких одежонок и рассматривания новых игрушек. Даже пятнадцатилетний Вовка подарку страшно обрадовался, умилительно прижал этот самый MP3 к груди и растроганно поцеловал тетушку в щеку. И даже без особых уговоров подрядился в ближайшую булочную за свежим хлебом сходить исключительно ради приехавшей тетушки, чем растрогал Лизу окончательно. Так они и провозились-прокрутились весь оставшийся день в клубке домашних забот – то обедали, то нянь-

кались, то Вовкино сочинение школьное писали, то ужинали, то годовалого Ванюшку спать чуть ли не силой укладывали...

И только к вечеру, утомив свое многолетнее хозяйство, Варвара усадила ее напротив себя в кресло и весело приказала:

– Так, Лизавета, колись немедленно. Вот хоть глаз вырви, а вижу – что-то не то с тобой. Рассказывай!

– Ой, да с чего ты взяла? Все со мной в порядке. Полна сил и счастлива.

– Ага. Я же вижу, у тебя отродясь таких загнанных глаз не было, Лизавета! Что, твой юный гений обижает, да?

– Лёня? Нет, не обижает, Варь. Что ты! Тут дело в другом. Даже не знаю, как это и проговорить вслух...

– Ой, не узнаю тебя, Лизавета! Ты что? С каких это пор такая нежная стала? Не знает она, как проговорить. Как есть, так и проговори! Считаю, что ты на приеме у своего адвоката.

Варвара весело рассмеялась, произнеся последние слова. Свою профессиональную карьеру она так и не начала, выйдя замуж за скромненького и умненького Николеньку, о чем ни разу в жизни не пожалела. Хотя своей сибирской кухней и успешностью ее на адвокатском поприще страшно гордилась, да и Николенька Лизу уважал – они довольно часто друг с другом по телефону советовались по поводу всяких заковыристо-юридических прецедентов. Лиза, тихо вздохнув и поняв, что от зоркого глаза кухни ей с неожиданно

появившейся в жизни проблемой все равно не скрыться, рассказала Варваре во всех подробностях и о последнем трудном разговоре с мужем, и об увиденной в старом хрущобном дворе картине, и об обидах-переживаниях по этому нехорошему поводу.

– У-у-у... – только и протянула в конце рассказа кузина. – Да, попала ты... Ну, что могу сказать? Надо рожать, раз своего пианиста так любишь! Другого выхода теперь и нету!

– Да как, как рожать-то? Ты же знаешь, я не могу!

– Ой, не смей меня, а? Ты в каком веке живешь? Сейчас все можно, к твоему сведению! Столько способов изобрели – стоит только захотеть. Ты ведь хочешь, да?

– Ну, не знаю. Но раз надо... Если для Лёни... А что за способы?

– Господи, да обыкновенные! Суррогатная мать, например! Она тебе из внедренной яйцеклетки ребеночка выносит и родит! Денег только для этого надо много, так у тебя с этим как раз проблемы никакой нет!

– А где я возьму эту самую суррогатную мать? Они ж в магазине не продаются! Это дело такое, лично-человеческое, тонкое.

– Ну да. Тут я согласна, конечно. Первой встречной тетке такое не доверишь.

– Вот видишь, Варь. Значит, не так уж все просто в этом вопросе, как ты говоришь! Значит, тему закрыть придется.

– Тогда и тебе с потерей любимого пианиста смириться

придется! Он же у тебя такой весь, слегка не в себе. Люди искусства – они вообще все такие! Если уж чего втемяшат в свою талантливую голову – потом держись. Всего себя изгрызут до полной неврастении. И своих близких заодно. Так что выбирай...

– Ты так думаешь, да? – тоскливо подняла Лиза на кузину глаза. – Значит, у меня только такой выход?

– Да. Получается, так.

Варвара задумалась глубоко, наморщив свой красивый высокий лоб. Потом медленно отпила глоток виски из стакана, похрустела на зубах маленьким кусочком льда, попавшим в рот вместе с глотком отвратительного, по мнению Лизы, напитка. Сама она предпочитала всем этим буржуазным алкогольным изыскам обыкновенное сухое красное вино. Все равно какое – молдавское, крымское, французское. И вообще любила, когда голова была ясной, трезвой и звонкой, и чтоб мысль в ней была такой же. И потому совсем уж удивленно уставилась на Варвару, когда она произнесла вдруг такое! Лизе казалось, что такое можно озвучить, только будучи очень сильно подшофе:

– Лиза, так я же смогу тебе родить! А что? Чего только для сеструхи не сделаешь! И на подвиг пойдешь!

– Варь, ты что говоришь! С ума сошла? Вроде и выпила чуть-чуть.

– А что? В чем проблема-то? Зачем нам вообще эту суррогатную мать искать? Раз надо – помогу! Мы с тобой и до-

говор подпишем, ты мне денег потом заплатишь – все, как полагается! Главное – мы же в разных городах живем... Я к тебе приеду – меня здесь никто с пузом не увидит! А потом уеду, и ребеночек у тебя останется. Твой, родненький, из твоей да Лёниной клеточки. И я буду знать, что малыш, которого я носила, в надежные руки пристроен и всем и всегда обеспечен будет. А что с тобой случись – тоже вот она я! Тоже мамка. И ты можешь не дрожать всю беременность, что я в последний момент откажусь тебе его отдавать.

Лиза с ужасом слушала кузину, открыв от изумления рот. Ничего себе, как все просто. Это что же получается? Она может приехать домой и объявить Лёне, что появление ребенка в их семье – не такая уж и проблема? Вот это да... А ей такое и в голову никогда бы не пришло. Хотя, может, потому и не пришло, что не хотело приходить.

– Варь, а ты не шутишь? Ты это серьезно?

– А то! Только давай договоримся на берегу – денег мне заплатишь немерено! Для меня это тоже подвиг! Понимаешь, у Николеньки долг один есть, который он отдать никак не может, и это его гнетет очень...

– Я и так дам, без всякой суррогатности! Ты бы мне давно сказала.

– Нет, Лизавета. Я так не возьму. А за благое дело – пожалуй. Еще и героиней себя чувствовать буду... Ну что, по рукам?

– По рукам, – растерянно пролепетала Лиза и улыбнулась

нерешительно. Внутри происходил полнейший переполох от странного этого, почти сюрреалистического, разговора. Казалось все время, что стоит только по сильнее встряхнуть головой – и она проснется.

– Вот и хорошо, – совсем по-деловому хлопнула Варвара по подлокотникам кресла красивыми руками. – Только ты там у себя сладь все по-быстрому, ладно? Ну, анализы всякие клинические, дела медицинские... А как все готово будет – сразу меня кликнешь. Только учти – с детьми приеду. Вовку на Николеньку оставлю, а младших мне девать некуда, с собой возьму. Да у тебя дом большой – на всех места хватит. Будем брак твой спасать: рожать будем твоему пианисту ненаглядному ребеночка, чтоб по чужим дворам за чужими детьми не бегал и смысл свой жизненный нашел побыстрее. Какой он у тебя, оказывается, черт бы его побрал...

– Хорошо, Варь. Я как домой приеду, сразу с ним поговорю.

– Ой, да чего с ним разговоры разговаривать! Взяла за ухо – и по врачам! Ты хотел, мол, милый, ребеночка? Так получай! Расти себе на здоровье, осмысливай свою жизнь дальше!

– Варь, а ты сама-то ее осмыслила? Трех, вон, родила.

– А как же! Дети, Лизавета, это и есть наш бабский смысл. Только это потом приходит, попозже. Знаешь, как я досадовала всегда, когда узнавала об очередном беременном залете? Это потом уже радость небесная да благодатная на тебя

спускается, как ангел с неба.

– Слушай, а если ко мне не придет эта радость? Вот ты родишь мне, а радость не придет?

– Придет, Лиза. Обязательно. Вот возьмешь своего ребеночка на руки, сердце вздрогнет, и поймешь...

– А если не вздрогнет?

– Не бойсь. Обязательно вздрогнет.

– А если нет?!

– Да ну тебя, адвокатесса хренова! Зануда ты старая! Не морочь себе голову! Ты чего, ненормальная баба, что ли? У всех вздрагивает, у тебя одной не вздрогнет! Некоторые, вон, даже чужих усыновляют и любят потом больше родных! А ты дурацкие вопросы задаешь...

– Ну да. Усыновляют, даже больных и убогих. Это я знаю. Как раз по такому делу сюда и приехала. Только так и не понимаю до конца, зачем это надо.

– Как зачем? Чтобы любить. Потребность такая у людей есть, понимаешь? Любить. Ну так что, будешь меня делать суррогатной матерью или нет? Что-то я не понимаю.

– Буду, наверное. Подумаю еще.

– Нет уж, дорогая, ты мне точно скажи. Чего тут думать? Мне же тоже как-то надо определиться со своим поведением!

– В смысле? – удивленно уставилась на Варвару Лиза.

– Ну, если будем рожать, тогда с завтрашнего дня бросаю курить и от алкоголя напрочь отказываюсь. Чтоб организм

подготовить к здоровому вынашиванию. А если не будем, то уж извините – маленьких этих удовольствий меня никто лишать не вправе. Так что давай решай.

– Ну, в общем... Наверное, да, – обреченно произнесла Лиза, глядя мимо кухни в темное ночное окно.

– Вот и хорошо, – погладила ее по плечу Варенька. – С тобой, видимо, так и надо в некоторых случаях поступать. Давить железным напором, а то никогда ни на что и не решишься – все думать да причины всякие разные сочинять для себя будешь. Значит, прямо с завтрашнего дня я перехожу на оздоровление своего любимого организма. А сегодня давай выпьем в последний раз за успех нашего мероприятия.

5

На следующий день состоялось, наконец, последнее, определяющее судебное заседание, на котором решила судьба несчастного Дениски Колюченкова, усыновляемого в американскую семью Рейчел и Дейла Мак-Кинли. Уже по одним только голосовым интонациям женщины-судьи Лиза поняла, что решение будет хорошим. Для нее. И для Дениски Колюченкова. И для Рейчел с Дейлом. Ну наконец-то...

Она давно уже, за всю свою адвокатскую практику, научилась определять в бесстрастном, казалось бы, голосе судей, зачитывающих долгую мотивировочную часть решения, те самые, едва заметные, нужные нотки и редко ошибалась.

Это было сродни интуиции, а может, совпадением просто. И тем не менее... Вот судья прочитала-протарабанила, казалось бы, совершенно равнодушно: «...Из материала дела усматривается, что Колюченков Денис Юрьевич был брошен матерью в роддоме, откуда был доставлен на лечение в детскую больницу, где находился больше года в отделении патологии новорожденных. Мать судьбой ребенка не интересовалась, судом была признана безвестно отсутствующей. Все родственники от опекунов отказались письменно...» Слышались уже в голосе судьи нужные нотки! Возмущенные, жалостливые, сочувствующие. Едва-едва заметные. Как бы ты, тетенька-судья с красиво уложенными седыми волосами, ни старалась изобразить положенную по статусу бесстрашность да объективность, все уже понятно. Тут ни убавишь ни прибавишь. И закон в отношении ошибки чиновников ты, моя дорогая, истолковала правильно. Ох уж это пресловутое толкование закона – как хошь, так и толкуй. Но эта умница-судья все-таки так, как надо, сделала. По обыкновенной человеческой справедливости: «...Неисполнение должностными лицами учреждения социальной защиты обязанности в семидневный срок сообщить в органы опеки и попечительства сведения о том, что ребенок может быть передан на воспитание в семью, является лишь основанием для привлечения должностных лиц к ответственности, а не основанием для отказа в усыновлении...» Молодец! Молодец, женщина! Ты умница, судья моя дорогая! И вполне достойна этого вычур-

ного к себе обращения – «...ваша честь». Рейчел-то как в воду глядела, жалуясь на произвол русских чиновников. А вот, наконец, долгожданная резолютивная часть решения, отменяющая все прежние судебные постановления и удовлетворяющая заявления граждан США супругов Мак-Кинли об установлении усыновления. И вот, наконец, последняя фраза: «...Записать Дейла и Рейчел Мак-Кинли в книге записи рождений в качестве родителей усыновленного ими ребенка – Дениса Колюченкова...»

Все! Победа! Бесповоротная и окончательная. Уф... Лиза, выйдя из зала суда, дрожащими пальцами набрала номер Рейчел и бесстрастной скороговоркой сообщила ей о хорошем решении и тут же нажала на кнопку отбоя – потом, все потом. Они еще разделят совместную радость, но не по телефону. И вообще, надо бы ей побеседовать с этой американкой. В конце-то концов, что такого она знает про материнство, чего никак не может понять Лиза? И Варвара знает, и даже Лёня об этом заговорил... Может, что-то важное мимо нее прошло в жизни, а она так и не заметила? Может, некоторый цинизм, присущий ее профессии, так глаза и сердце застит? Ну не тупая же она, в конце концов, должна понять.

Сидя в самолете и глядя на плотные бока облаков под крылом, она продолжала задавать себе вопросы и в ответах склонялась к издержкам трудной и сволочной профессии. Это она сделала ее такой цинично-неприкаянной, заставила все человеческие отношения рассматривать через лупу

судебных разбирательств, пошлых и тяжелых, выявляющих самые некрасивые, скрытые человеческие качества. Сколько же бракоразводных дел с беспредельно наглым дележом имущества прошло через ее руки, сколько слез и сломанных детских судеб она видела. Даже сложилась определенная шкала мотивации отношений мужчины и женщины, пожелавших прожить вместе определенный промежуток времени. То есть на момент складывания этих отношений они и не знают, конечно же, что он будет всего лишь временным промежутком. Вот мотивацию, например, потенциального материнства Лиза уважала. Что здесь такого, если женщина хочет родить ребенка в браке? Все правильно. Потом в глаза всю жизнь ребенка не стыдно будет смотреть. Можно и легенду какую об отце придумать «покрасивше». И мотивацию материального расчета уважала. Еще бы – сама так за старика Заславского выходила. По крайней мере, честная сделка. А вот мотивации «ты мой зайка, я твоя киска, и мы каждые полчаса вместе» не понимала совсем. Зачем уж так отслеживать друг друга каждые полчаса? Зачем? Для чего надо так слипаться всем – душами, телами, имуществом? Странная какая-то потребность – вкладывать всего себя без остатка в общий котел отношений, еще и кайф при этом мазохистский ощущать – слава богу, ничего во мне моего собственного больше не осталось, все только совместно-общее. Попробуй потом отлепи безболезненно такую вот «киску» от взбунтовавшегося в одночасье «зайки»! Это же смертельный случай.

А может, опять ошибается? Казалось же ей, что отношения, сложившиеся с Лёней, являются идеальными? Казалось. Ничем не были связаны, никакой такой дурной мотивацией: ни материального расчета, ни потенциального материнства, ни уж тем более совместного лихорадочного слипания собственным временем, когда одна секундочка, оставленная для себя лично, является чуть ли не преступлением. Ну ладно, родят они при помощи Варвары совместного ребенка, и что? Лёня сразу перестанет мучиться своей талантливой неприкаянностью? Ерунда какая. Нет, все же не понимает Лиза чего-то в этой жизни, мимо нее таки прошло-проскочило что-то. Обязательно надо с Рейчел поговорить, завтра же. И совета насчет ребенка спросить. А может, и не завтра. Времени-то еще – завались. Пока судебное решение официально изготовят, пока по почте куда надо пришлют, пока местные чиновники в него вникнут да раскачаются с исполнением, как минимум месяц пройдет. Так что десять раз успеет с клиенткой своей наговориться.

А вот и красивая стюардесса выстроила свое длинное синее форменное тело в проходе и улыбается всем и сразу дежурной счастливой улыбкой. Сейчас расскажет быстренько стандартные сказки про «пристегните ремни», про погоду за бортом, и можно будет снижаться – прилетели домой, слава богу. Интересно, как там оставленная в аэропорту на стоянке машинка поживает? Не обидел ли кто? Хорошая у нее машинка, привычная такая... Ну а вот вам, кузина Лизавета,

и ответ на все вопросы... О машинке-то своей беспокоить-ся-переживать научились, а вот о ребеночке потенциальном – тут уж, простите, очень большие сомнения берут.

6

По одному только Татьянинному лицу можно было догадаться – случилось что-то из ряда вон выходящее. Сердце Лизино вздрогнуло испуганно и заняло протестующее – нет, нет, не хочу. Она как-то сразу догадалась, что произошло. А может, и не догадалась, а знала уже...

– Ничего, ничего, Лизавета. Скрепись. Ты лучше себе мужика найдешь. Об чем тут горевать-то? И что это за мужик такой – хлипкий да длинноволосый, как девка? Еще и об себе думает невесть чего...

Татьяна говорила и говорила, журчала ласковым ручьем, склонившись над Лизой, горестно опустившейся на диванчик в прихожей. Та слушала и не слушала ее – сил не было отмахнуться от этой навязчивой бабьей жалости. Да и не хотелось – пусть себе журчит. Жалко, что ли. Какая уж теперь разница...

– Он тебе на столе письмо оставил. Мудреное такое, я ни слова не поняла. Ты не читай его. Выброси в огонь лучше. Ушел и ушел, туда ему и дорога. Главное, не прихватил с собой ничего. Я проверяла. А то знаешь, как бывает...

Лиза встала и, не раздеваясь, прошла в дом, тихо подня-

лась по лестнице на второй этаж. Вот оно, Лёнино письмо. Лежат на столе несколько исписанных мелким нервным почерком страничек – даже в конверт не удосужился положить. Торопился, видно. Она робко потянулась было к этим листочкам, но рука отдернулась, будто сама по себе. Не хотелось читать их, совсем не хотелось. А может, Татьяна права в своей сермяжной простой правде? Может, в самом деле не надо? Какая теперь разница? Ушел и ушел. Зачем ей знать – почему? Когда это причина для горя уменьшала хоть как-то само горе? Все равно придется его пережить. Куда ж теперь деваться-то.

Посидев полчаса в кресле, глядя в упор, не отрываясь, на эти проклятые листочки, Лиза все же протянула к ним руку и, сделав над собой усилие, начала читать. Ну да. Так она и думала. Ничего нового он, в общем, не сообщал. «...Тебе ведь даже все равно, Лиза, люблю я тебя или нет. Главное, чтоб рядом был. Так ведь? Ты очень сильная женщина. Даже чересчур. Тебе и не надо, наверное, чтоб тебя любили. Необходимости такой нет. Да и нужды. Тебе себя самой хватает. И твоей собственной любви...»

Ну что ж, в этом он прав, пожалуй. Ей действительно хватало собственных чувств. А любил Лёня ее или нет – неважно как-то. Лишь бы он был, лишь бы глаза Лизины его видели, лишь бы сердце замирало благостно при этом, а душа уходила в пятки. Черт, черт! Надо было все время требовать от него любви ответной, как она этого не поняла? Вот дура!

Подыграть не могла, что ли? Надо было устраивать сцены, как те самые «киски» и «зайчики», с трагическим заламыванием рук, капризными истериками вроде «...ах, ты меня не любишь, совсем не любишь...». Эх, Лизавета, Лизавета, век живи – век учись. Так, что там дальше? «...Ты повторяла все время, что я – твоя душа и сердце. И если я у тебя есть, значит, и душа с сердцем на месте. Ведь так? Но Лиза, дорогая, я ведь живой человек, а не доказательство присутствия в тебе всех этих органов! И вообще, нельзя прожить жизнь в виде доказательства чего бы то ни было. Я хочу человеком прожить, а не просто твоим сердцем. А как человек я тебе не нужен и не интересен, и музыка моя тебе вовсе не нужна...»

Ну что ж, и в этом он прав, особенно насчет музыки. Уж чего-чего, а страданий его музыкально-творческих она никогда не понимала. Ну зачем так мучиться только для того, чтобы быть первым? Можно же просто жить с музыкой, если она тебе так необходима, а не использовать ее как орудие своих амбиций. Не случилось из тебя великого музыканта – подумаешь. Зачем в крайности бросаться? Надо было и на эту тему с ним тоже поговорить, кстати. Вот все она делала неправильно! Надо было парня к обыкновенной, земной жизни адаптировать, а она восхищалась нелепо его сомнительным талантом да возносила на небеса. Что ж, как лучше хотела. Так, а дальше-то вообще уже интересно начинается...

«Я ухожу жить к Алине. Ты ее не знаешь. В отличие от те-

бя она скромная и маленькая, потерянная в жизни женщина. И ей нужна моя помощь. Настоящая, мужская и материальная, а не игрушечная, не сердечно-душевная, понимаешь? Я ей нужен, необходим просто. Без меня они погибнут – Алина и ее дети. А ты сильная, найдешь себе другую игрушку...»

А вот это удар ниже пояса. Вот это по-настоящему больно. Этого она совсем не заслужила. Хотя разве любовь и уважение заслуживают? Да ничего подобного! Каждый только от себя пляшет, от своих чувств, ощущений да потребностей. Уж она-то знает. Сколько ей пришлось выслушать исповедей оставленных мужей и жен, и все только и говорили о том, что уж они-то этого не заслужили. Черт, а все равно больно! Никогда так больно не было.

– Ну, и чего ты тут сидишь, как столетняя бабка-бобылка? – вздрогнула Лиза от громкого Татьянинного голоса. Она и не слышала, как та поднялась на второй этаж, как тихо встала за спинкой ее кресла. Лиза молча подняла к ней горестное, почти черное лицо.

– О господи! Лизавета! Да ты чего это? Еще поди и реветь сейчас соберешься?! Ты это дело брось! Не стоит этот мужичонка слез твоих! Такая баба умная, такая справная, чего это ты! Да с тобой ни одну девку и рядом-то поставить нельзя! Я надысь глядела по телевизору, как самую красивую девку на всей Земле-матушке выбирали, так ни одна тебе и в подметки не годится! Тебя же в любой блестящий журнал на первую страницу сразу возьмут, только захоти! А ты вдруг горевать

дудумала. Господи, да найдешь себе другого мужика, и не думай даже.

– Да не надо мне другого, Тань, – горько усмехнулась Лиза, и ткнулась головой в ее теплый рыхлый живот, и вздрогнула плечами, будто и в самом деле собиралась заплакать. От Татьянинного фартука с красными вышитыми петухами пахло так хорошо. Счастливым детством – бабушкой, пирожками, компотом из сухофруктов, теплой нежной беззаботностью.

– Присохла, значит? – жалостливо спросила Татьяна и принялась гладить свою хозяйку по распущенным по спине блестящим каштановым волосам. – Это ничего, Лизавета. Ничего, пройдет. Как присохла, так и отсохнешь. Заживет, корочкой покроется и само отпадет. А пока не отпало – скрепиться надо, переждать. Денечки в календаре вычеркивать и ждать. Вот один день прошел, другой, третий. Помнишь, как сама меня учила? Красным карандашиком денечки в календаре вычеркивать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.